

Дед Мороз / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Дед Мороз / рассказ ДЕД МОРОЗ

Динамик хрипит, как простуженная торговка, предлагающая залежалый товар. От этого хрипа «Танго в сумасшедшем доме» звучит ещё трагичнее. Голос скрипки то взлетает к пыльной люстре, то со скрежетом разбивается о железную батарею. «Пыль на батарее ещё не вытерла», –отмечает про себя Верочка.

Сегодня последний понедельник в уходящем году, у Верочки выходной, она занимается уборкой. Водить тряпкой по полу ей легче под музыку Шнитке. У Верочки на каждый случай припасена особая музыка. Чтобы сосредоточиться – Бах. Включит, стоя в пробке, орган, вздрогнет, отгонит дрему и видения – картинка на лобовом снова резкая, без экспрессионизма. На случай хандры – Чайковский. Заварит чай с травами, в плед с головой завернётся и слушает «Детский альбом». Если на работе проблемы и хочется плакать – «Вокализ» Рахманинова. Правда, Рахманинова не любят соседи. Они не имеют возражений ни против Оксимилона, которого слушает во всю мощь сын Верочки, ни против Кэти Перри, которой в полный голос подпевает Верочкина дочь, но стоит только зазвучать Рахманинову, с соседями случается припадок, и они начинают стучать в стену тупыми предметами.

«Рано в этом году поставили ёлку, – сама с собой разговаривает Верочка, протирая гладкую батарею, – половину комнаты занимает».

Большая, под потолок, искусственная ёлка наряжена крупными блестящими шарами и гирляндами, под ёлкой среди мишуры и синтетического снега стоит краснощёкий Дед Мороз в расшитом золотом кафтане, с посохом и большим красным мешком. Игрушка из прошлого века. Семейная реликвия. От бабушки.

В фарфоровой спине Деда Мороза небольшое отверстие. В это отверстие ещё Верочкина мама просовывала записочки с желаниями. Дед Мороз хранит все самые главные мечты и чаяния Верочкиной семьи. Верочка не знает, что просили у Деда Мороза

её мама и бабушка, но помнит своё желание, которое много лет подряд в канун Рождества аккуратно выводила на тонкой, прозрачной бумаге, скатывала в крошечную колбаску и засовывала Деду в спину.

Верочка встаёт перед игрушкой на колени, протирает её фарфоровое лицо тряпкой, поправляет гирлянду. Вспоминает, что так и не придумала подарок мужу, чуть хмурится, вдруг понимает, что нужно сбегать на кухню, вытащить из холодильника мясо, различает в переливах «Признания в любви» телефонную трель, вздыхает, поднимается с колен, идёт к телефону.

– С наступающим, Верочка! – говорит из трубки отдалённо знакомый голос.

– Спасибо! И вас... – неуверенно отвечает Верочка.

– Это я! Тётя Галя! – радуется голос. И перед Верочкой во весь свой внушительный рост вырастает старшая сестра папы. У тёти большое круглое лицо, синие водянистые глаза, пышные обесцвеченные волосы, яркие карминовые губы. Она смотрит на Верочку сверху вниз, поправляет причёску, прищуривается.

– Здравствуйте, тётя Галя! – притворно весело отвечает Верочка. Ногам становится холодно, тапочки остались возле ёлки, окно открыто, комната проветривается, Верочка стоит на сквозняке.

– Ну, как ты? – спрашивает тётя Галя, и голос её, как и двадцать, и тридцать лет назад очень тонкий, неприятно высокий.

– Хорошо. А вы? Как ваше здоровье? – переминаясь с ноги на ногу, продолжает разговор Верочка. Они не общались с тётей Галей по меньшей мере лет десять, но зачем-то делают вид, что не было всех этих лет и между ними тёплые родственные отношения.

– Да со мной всё хорошо, – отвечает лисьим голосом тётя Галя, понижая звуки на слове «хорошо». Сердце Верочки замирает, тело напрягается, как перед прыжком. Верочка боится продолжения разговора. Она не ждёт от тёти Гали хороших новостей. Тётя никогда их не приносила. – А ты в курсе, как дела у твоего отца? – разряжает обстановку голос из трубки. Верочка с облегчением выдыхает.

– Ну, мы с ним пятнадцать лет не виделись, тётя Галя! Как же я могу знать? – разрешает себе эмоцию Верочка и идёт к ёлке в поисках тапочек. Их нигде не видно, ноги уже ледяные.

– А я тебе расскажу, дорогая, как дела у твоего папы! – Верочка представляет, как тётя Галя кривит губы и качает своей большой круглой головой. – Очень плохо у него дела!

Тишина длится дольше положенного. Кажется, она длится слишком долго.

– Аллё? – нарушает неловкую тишину голос тёти, решившей, что связь прервалась.

– Да-да, я вас слушаю, – как ни в чём не бывало, откликается Верочка.

– Я тебе говорю, отцу твоему очень плохо! Понимаешь ты это? – почти кричит в трубку тётя Галя. – Он совсем один! В своём возрасте! – тётя Галя всхлипывает, отрывисто дышит.

– Он болен? – не реагируя на слёзы, спрашивает Верочка.

– А кто в шестьдесят здоров? – рыдая, отвечает тетя Галя.

Перед глазами Верочки появляются Разумовский и Семёнов. Она их не вызвала, но они очень отчётливо нарисовались. Оба очень даже здоровые. Разумовский – новая пассия её лучшей подруги. Ему, кажется, шестьдесят три, и что в нём нашла Юлька, Верочкина подруга, сказать трудно, но одно точно бросается в глаза: здоров он как бык и бывшему сорокалетнему Юлькиному бойфренду в подметки не годится. А Семёнов – шеф Верочки, успешный владелец сети ресторанов и хозяин журнала, где Верочка редакторствует. В прошлом году праздновали его юбилей, как раз шестьдесят, а в этом году он в четвёртый раз женился – на пришедшей в журнал студентке. Кстати, по-хорошему, Верочке надо бы не уборкой заниматься, а поисками новой работы.

– Тётя Галя, он что, немощный? – спрашивает Верочка.

– Он пожилой и одинокий! – скулит тётя Галя.

– Тётя Галя, у меня шеф его возраста и детей ещё планирует, а насчет «одинокий» – это его выбор. Чего вы от меня хотите?

– Верочка, скажи, ты любишь папу? – шмыгнув в трубку, холодным голосом спрашивает тётя Галя, и Верочка чувствует, как большой крепкий кулак с размаху бьёт её под дых. Воздух становится разреженным, Верочка превращается в маленькую девочку, сидящую

за большим, покрытым белой скатертью, столом. В центре стола стоит круглый зеркальный самовар, на блюдах разложены сладости, в хрустальных розеточках варенье и мёд, из окна льётся солнечный свет, мама с папой совсем молодые, красивые. В доме много людей, все они ходят, смеются, разговаривают. Рядом с Верочкой сидит тётя Галя, наливает из самовара чай и шёпотом спрашивает: «А если мама с папой буду жить отдельно, ты с кем останешься? Ты кого из них больше любишь?»

Маленькая Верочка силится, чтобы не заплакать, смотрит на большое лицо тёти Гали, качает, будто ей весело, ногой и не может ничего ответить. Потому что мама с папой не могут жить отдельно. Потому что Верочка не может кого-то из них выбрать. Много лет спустя Верочке, подросток и окрепшей, научившейся защищаться и пользоваться оружием обидчиков, этот стол с самоваром приходит в ночных кошмарах, ему давать отпор она не умеет.

– Тётя Галя, вы зачем сейчас меня об этом спрашиваете? Прошло тридцать пять лет! Тридцать пять! А ваши вопросы не изменились! – голос Верочки становится металлическим, холодным и опасным.

– Верочка, милая, зачем ты кричишь на пожилого человека? Да что же с тобой стало-то?

Верочке хочется крикнуть в трубку, что она не верит ни одному её слову, ни одной её интонации, что правильно её не взяли в актрисы, потому что она бездарна. Это было бы стопроцентным попаданием, это было бы больно. Байки про тётю Галю, актрису из погорелого театра, были ходовыми в Верочкином детстве, когда тётя была яркой, амбициозной, знала наизусть чуть ли не все монологи, звучавшие со сцены городского театра, и убежала из дома с приезжим чернобровым красавцем. Потом, правда, вернулась – какая-то грустная, неинтересная, пошла работать на шоколадную фабрику, растолстела и записалась в мужененавистники.

– Давайте уже прекратим этот спектакль, – говорит Верочка. – Чем я могу ему помочь? Что от меня требуется?

– Ему нужна семья, Верочка!

– Тётя Галя, я попросила без театра...

– Хорошо. Ему негде жить. Купи ему квартиру. Или забери к себе. В конце концов, он исправно платил алименты! И если бы твоя мама была жива, она бы... – Верочка не даёт тёте закончить. Нажав на красную кнопку, она прерывает звонок и выключает телефон. Руки её трясутся.

Шнитке закончил свою историю. В комнате тихо. Подойдя к полочке с дисками, Верочка перебирает коробки с именами, руки трясутся так сильно, что пальцы промахиваются и не могут попасть в кнопки на музыкальном центре. Сейчас Верочка согласна на любую музыку, только чтобы громко.

За окном пошёл снег. Из распахнутой рамы в комнату летят влажные перья. Будто кто-то ошипывает ангелов. Перья на лету крошатся, тают. На полу под подоконником образовалась лужица. В лужице стоят тапочки.

Верочка влезает бесчувственными ледяными ногами в мокрое нутро тапок, закрывает окно, берётся за тряпку. Протирает портрет мамы, пианино. Чтобы освободиться от колючего ежа, застрявшего в горле, разрешает себе поплакать, слёзы не идут. Открывает крышку бесполезного последние пятнадцать лет пианино, пытается вспомнить что-то из обязательной программы, не получается.

Мама улыбается с портрета красивой, спокойной улыбкой – такой, какая была у неё до катастрофы. До Верочкиной катастрофы.

Вчера Верочке исполнилось семь лет, ей подарили сумочку через плечо, калейдоскоп и набор врача. Сегодня первый день осени, важный день. Верочка стоит посреди комнаты в школьной форме, красивом белом фартуке, на голове огромные белые банты. Хочется скорее уже выйти на улицу и закричать на весь двор «я – взрослая!», но мама какая-то медленная и не торопится.

– Мама, а где папа? – спохватывается Верочка, не сразу заметившая отсутствие отца.

– Папа уехал. Он больше, Верочка, не будет жить с нами, – говорит мама, и лицо у неё совсем чужое. Верочка бросает взгляд на диван, рядом с которым обычно стоит папина гитара. Гитары нет.

Следующим утром Верочка долго не открывает глаза, лежит и прислушивается к звукам в квартире. Вот сейчас она услышит разговоры на кухне, вот сейчас папа будет о чём-то

рассказывать, а мама – смеяться. Верочка вздохнет и поймет, что всё было дурным сном. Каждое новое утро она лежит и прислушивается к звукам в квартире. И ненавидит тишину.

Мама работает в музыкальной школе, её ученики теперь почти каждый день приходят к ним домой. Олимашиколи тарабанят вальсы и марши, стучат гаммы и арпеджио, готовятся с мамой к конкурсам, отвлекают её от окна. Когда дома нет чужих людей, мама замирает, подходит к окну и, держась за занавеску, смотрит вниз, туда, где стоял папин «Москвич».

Верочка в мамином присутствии к окну не подходит, но, если мамы нет дома, становится её маленькой копией и стоит у окна точно так же – спина ровно, ноги в третьей позиции, голова приподнята.

Спустя полгода папа въезжает во двор. Звук папиного «Москвича» Верочка может узнать из тысячи других. Верочка летит в нему вниз по лестнице и прижимается к щетине, пуговицам, старой замшевой куртке. Хочется прижаться к нему целиком и больше никогда-никогда не отпускать.

– Значит, ты вернулся? Значит, мы снова будем жить вместе? – шепчет маленькая Верочка, и щёки её горят, и слёзы почти сладкие.

– Верочка, я никуда не ушёл. Просто жизнь сложная. «И разбитую чашку склеить нельзя», – говорит книжным языком папа и не смотрит в глаза. А Верочка плачет и держит его за руку, и просит, и умоляет остаться навсегда. А после того, как он уезжает, винит себя за навязчивость и всё пытается понять, что сделала не так, почему не смогла убедить.

Папа приезжает редко, но всегда с книгами. Вместе читают Хайяма, Бродского, Ницше. Верочке хочется «Жёлтый туман», но она уже знает от папы, что самое страшное в жизни – нитьё и ненужные вопросы. Верочка не задаёт вопросов и никогда не ноет, ей просто приятно слушать папин голос, поэтому пусть читает, что хочет, только пусть подольше. У папы красивый голос, он поёт в музыкальной группе, к нему на концерты приходят люди. Он много ездит по стране и модно одевается. Верочка ходит в заштопанных рейтузах и перешитой маминой куртке. Звук вальсов и маршей в их квартире теперь означает

масло на посыпанном солью хлебе.

На очередной Новый год папа привозит Верочке большие коричневые ботинки и календарь с фотографией его группы. На календаре папа в центре, у него накрашены глаза и пышные волосы. У мамы уже неделю температура, и она лежит под ватным одеялом. «Маме тяжело с тобой, – говорит папа, – быть может, переедешь жить ко мне?» Верочка чувствует своё сердце где-то в горле и в висках, не может остановить воду из глаз, будто сорвало кран. Плачет всю ночь, утром первого января с трудом открывает опухшие глаза, варит маме бульон и понимает, что стала взрослой.

До окончания школы жизнь Верочки – погоня за призраком. Её картина счастья – маленькая фотокарточка в альбоме. Каждый год перед Рождеством Верочка красивым почерком выводит на тонкой бумаге одно-единственное желание. Желание не сбывается. У Верочки две подруги, кошка и дневник. С подругами Верочка обсуждает то, что важно для них, в дневник пишет то, что важно для неё. Мама часто болеет, тихо разговаривает, почти не улыбается.

К ним в гости часто приезжает тётя Галя. Обвиняет маму в мягкотелости, учит жить. Рассказывает о новых папиных увлечениях, хвастается его успехами. Играет успешную даму, ведёт себя будто на сцене, иногда просит денег. Говорит, что они с папой одного поля ягоды – слишком яркие, слишком талантливые и не приспособлены к тихой семейной жизни. Говорит, что обычным людям понять их не дано. После её визитов мама закрывается в ванной.

Мама умирает через неделю после Верочкиной свадьбы. Умирает спокойная, будто даже счастливая. С улыбкой на тонких, белых губах. Обманув всех, никому не сказав о своей болезни, отказавшись от медицины, от внимания и помощи. Уходит довольная собой, доверив дочь доброму, к счастью, не творческому человеку. Папа на похороны не приезжает. Тётя Галя говорит «ему слишком тяжело, потом поймёшь».

Верочка всё уже поняла. Она давно взрослая женщина. И замужем не первый год – всякое и в её семье было. Она больше не стоит у окна в ожидании чуда. Она поняла, что чуда ждать не нужно.

Оно всё время рядом. Да что там говорить, надо уже заканчивать эту уборку и готовить ужин.

Дед Мороз смотрит на неё своими синими нарисованными глазами, чуть поджав губы. Будто за что-то извиняется.

Диана СВЕТЛИЧНАЯ. Некаýалар